

НОВЫЕ КРЕПОСТНЫЕ БОЛЬШОГО

Любопытную новость распространил, воспользовавшись услугами ИТАР-ТАСС, исполнительный директор **Большого** Владимир Коконин. Он поведал, что 270 солистов оперы и балета ГАБТа после окончания конкурса, проведенного в театре, переведены на контрактную систему, которая "преследует цель сохранить и стабилизировать прославленную труппу".

На пресс-конференции по поводу последней премьеры **Большого**, оперы "Богема", Коконин, отвечая на вопрос корреспондента "Курантов" о причинах, заставивших театр проводить конкурс среди солистов в разгар сезона, ответил, что замечательные артисты работали в условиях крепостной зависимости от театра, что конкурс был необходим, дабы очистить труппу от балласта, и что дирекция **Большого** проводила его в шадящих условиях — как по времени (!), так и по подходу к каждому из конкурсантов.

Читатели "Курантов" уже знают, что многие из не прошедших конкурс артистов остались в неведении: какие такие претензии выдвинула к ним комиссия? Более того, после вынесения вердикта о "несоответствии званию арти-

ста **Большого**" выяснилось, что некоторые из судей не слышали и не видели артистов ни в спектаклях, в которых они заняты, ни на концертах, ни на прослушиваниях и просмотрах. Поэтому удивительным образом прошедшими конкурс были признаны некоторые солисты, долгие годы вообще не задействованные в репертуаре театра, а не прошел конкурсное сито кое-кто из тех, кто, наоборот, в простое был не замечен.

Что же до освобождения от крепостной зависимости — судите сами. Из контракта следует: подписавший сию грамоту артист теперь не вправе выступать на любой сцене — будь то Ла Скала или Малый зал Консерватории, не имея на то письменного согласия руководства ГАБТа. И даже если это согласие будет должным

образом оформлено, заключаемый на стороне контракт обязательно надо предъявлять **Большому**, дабы он строго проконтролировал перечисление на счёт ГАБТа пяти процентов от суммы гонорара артиста и удостоверился, не допущено ли опоздания с внесением валютных и отечественных денежек на счёт театра (на эту операцию артисту отведено 14 дней).

Совершенно непонятно, как будет артист изворачиваться, если в предлагаемом ему контракте будет четко оговорена коммерческая тайна в отношении суммы гонорара. Трудно уяснить, за что **Большой** будет получать кровные, заработанные артистом в свободное от работы в родном театре время. И уж вообще необъяснимо трактование Владимиром Кокониным понятия "крепостная зависимость". Если вышеизложенное для администрации ГАБТа означает немеряную свободу, то для всего остального мало-мальски цивилизованного народа сие как раз мысли о крепостном праве навеивает. И увеличение зарплаты солистам, ко-

торое светит всем прошедшим конкурс, есть лишь подслащенная пилюля для новых крепостных **Большого**.

Подробно объяснить, в чем же выиграл театр и артисты, Коконин и Васильев обещали в самом скором будущем — видимо, когда администрация **Большого** найдет убедительные доказательства перемены к лучшему. До той поры и его солисты, и журналисты будут пребывать в неведении — ведь ни с теми, ни с другими тонкости нововведений не обсуждаются. А условия контракта между тем "не подлежат оглашению, опубликованию в печати" — именно так означено в его пункте под номером 8. Чтобы добыть его текст, "Курантам" пришлось проявить немалую изворотливость. И эта таинственность даст основания предположить, что составляющие текст контракта администраторы все-таки понимают: сколько ни называй крепостное право свободой, которая, как известно из Маркса, есть осознанная необходимость, оно таковой не станет.

Ирина ЛОБАЧЕВА.

Куранты. - 1996. - 2 марта. - с. 5.